

Худеющий

Глава первая:

246

«Худеющий», — шепчет старый цыган с гниющим носом Уильяму Халлеку в тот момент, когда он со своей женой Хейди выходит из здания суда. Только одно слово доносится до него вместе с запахом его дыхания. «Худеющий». Прежде чем Халлек успеваает отшатнуться, старый цыган протягивает руку и проводит скрюченным, изуродованным пальцем по его щеке. Рот раскрывается, как рана, обнажая надгробия зубов, торчащих из голых десен. Эти редкие зубы — почерневшие и зеленоватые... между ними просовывается язык, вылезает наружу и облизывает потрескавшиеся губы, растянутые в улыбке.

Худеющий.

Билли Халлек вспомнил это, когда в семь утра стоял на весах, обернув поясницу полотенцем. Снизу доносился аппетитный запах яичницы с ветчиной. Пришлось вытянуть шею, чтобы увидеть цифру на шкале. Нет, не просто вытянуть, а наклониться. Каждый раз приходилось наклоняться. Он был крупным мужчиной. Слишком крупным, как доктор Хустон рад был ему сообщить. *На тот случай, если тебе никто об этом не говорил, позволь, я тебе сообщу,* сказал ему Хустон во время последнего осмотра. *Мужчина с твоими доходами и твоими привычками вступает в царство сердечных приступов примерно лет в тридцать восемь, Билли. Тебе нужно сбросить вес.*

Сегодня утром новости оказались неплохими: он неожиданно сбросил три фунта — с 249 до 246.

В последний раз, когда он отважился встать на весы, стрелка указывала на 251, правда, он был в брюках, а в кармане лежала мелочь, да еще ключи, его армейский ножик. К тому же весы в ванной наверху ввали в большую сторону — в этом он был почти уверен.

Будучи еще обыкновенным нью-йоркским мальчишкой, он где-то слышал, что цыгане обладают даром предвидения. Может, это так и есть? Попытался засмеяться, но дальше слабой и довольно неуверенной улыбки дело не пошло: рановато было закруглять смешком «цыганское дело». Должно пройти время, и все уляжется; он был достаточно зрелым человеком, чтобы понять это. А пока от мысли о цыганах было тошно. Он от души надеялся, что в жизни больше ни одного из них не встретит и отныне на гулянках будет лишь забавляться хиромантией да баловаться спиритической планшеткой Уиджа — скромно и безобидно.

— Билли?! — Зов снизу.

— Иду!

Он оделся, заметив с почти подсознательной досадой, что потеря им трех фунтов ничего не значила для его трусов — они по-прежнему туговаты. Сорок два дюйма в обхвате. На Новый год бросил курить точно в 00:01, и началась расплата. Ничего себе расплата за отказ от дурной привычки! Спустился по лестнице — сорочка расстегнута, галстук переброшен через шею. Линда, его четырнадцатилетняя дочь, как раз выходила из дому во «флиртующей» юбочке. Махнула конским хвостом, перехваченным на сей раз вполне сексуальным бархатным бантом. Под мышкой — учебники, в другой руке два небольших помпона для чирлидинга — один белоснежный, другой ярко-красный.

— Пока, пап!

— Счастливо, Лин!

Халлек сел за стол и первым делом схватил «Уолл-стрит джорнэл».

— Возлюбленный! — сказала Хейди.

— Моя дорогая! — с шутливым пафосом ответил он и немедленно отложил газету.

Жена поставила перед ним дымящуюся яичницу, английскую еду с изюмом и пять кусочков поджаристого бекона. Хорошая еда. Сама скользнула на стул напротив него и закурила «Вантаж-100». Минувшие январь и февраль были несколько напряженными — слишком много «обсуждений» — фактически закамуфлированных ссор, слишком много ночей в постели спиной к спине. Но выход нашли: она перестала подкалывать его по поводу веса, а он прекратил нудить по поводу ее полтора пачек сигарет в день. В итоге весна получилась недурная. На фоне достигнутого между ними перемирия произошли и некоторые другие приятные вещи. Во-первых, Халлек получил повышение, и немалое. «Грили, Пеншли и Киндер» теперь стали «Грили, Пеншли, Киндер и Халлек». Мать Хейди исполнила свою давнюю угрозу и вернулась к себе в Виргинию. Линда наконец-то выбилась в ведущие чирлидерши, что для Билли стало сущим благом, так как ее сценические потуги порядком напрягали. В общем, все пошло нормально.

Потом в городе появились цыгане.

«Худеющий», сказал старый цыган; и что там за гадость приключилась с его носом? Сифилис, что ли? Рак? А может, и что-то похлеще, вроде проказы? Да черт с ним, в конце-то концов! Выброси из головы!

— Не можешь выбросить из головы эту историю? — внезапно спросила Хейди. Так внезапно, что Халлек вздрогнул. *Билли, не твоя вина была.* Так сказал судья.

— Да нет, я не о том думал.

— А о чем ты думал?

— Да «Джорнэл»... — ответил он. — Там говорят, что в нынешнем квартале жилищное строительство опять затормозилось.

Не его вина — это точно. Судья верно сказал. Судья Россингтон. Кэри — для друзей.

Для друзей вроде меня, подумал Халлек. Сколько партий в гольф с Кэри Россингтоном. На гулянке у нас накануне Нового года два года назад, когда я решил бросить курить и не сделал этого. Кто мял твою такую вызывающую титьку во

время традиционных обменов новогодними поцелуями? Не может быть! Ну конечно же — добрый славный Кэри Россингтон, провалиться мне на этом месте!

Да. Добрый старый Кэри Россингтон, перед которым Билли оспаривал полтора десятка муниципальных судебных дел. Добрый старый Кэри Россингтон, с которым Билли время от времени играл в покер в клубе. Добрый старый Кэри Россингтон, который не уронил себя, когда его старый приятель по гольфу и покеру Билли Халлек (Кэри иной раз хлопал его по спине и орал: «Ну, как твои... висят. Большой Билл?!») предстал перед ним не для того, чтобы оспаривать статью муниципального закона, а по обвинению в убийстве в результате наезда автомобиля.

И когда Кэри Россингтон не ударил лицом в грязь, все сделал как положено — кто сказал детишкам: У-у-у-у-у?! Кто их напугал? Кто нашелся во всем замечательном городе Фэйрвью, чтобы пугать детишек?! Да никто! Никто их не пугал. Да и кто они такие, в конце-то концов? Всего лишь сброд грязных цыган. Чем скорее они уберутся из Фэйрвью в своих универсалах и трейлерах, облепленных пошлыми наклейками, тем лучше. Чем быстрее...

... Тем хуже.

Хейди раздавила сигарету в пепельнице.

— Я тебя слишком хорошо знаю. Вся эта затея с застройкой — дерьмо.

Билли предполагал то же самое. Предполагал, что и она над этим серьезно думает. Лицо ее было сегодня слишком бледным, и выглядела она на свои тридцать пять, что случилось редко. Поженились они уж очень молодыми, юными прямо. Он до сих пор помнил, как коммивояжер, явившийся к ним спустя три года после свадьбы, предлагая пылесосы, посмотрел на двадцатидвухлетнюю Хейди Халлек и вежливо спросил: «Девочка, а твоя мама дома?»

— Хм... аппетит ты мне такими сравнениями все равно не испортишь, — сказал он, и верно: яичница была уничтожена довольно быстро, от бекона не осталось и следа. Он выпил половину бокала апельсинового сока и подарил

в благодарность большую улыбку доброго славного Билли Халлека. Она попыталась изобразить ответную улыбку, но не очень-то получилось. Он представил себе дощечку, висящую на ней: «Мой улыбатор временно вышел из строя». Протянул ей руку через стол. — Хейди, все теперь в порядке. Даже если и нет, все равно — закончено.

— Да, да, я знаю. Знаю.

— А Линда?..

— Все прекратилось. Она говорит... говорит, подруги ей сочувствуют... поддерживают.

В течение недели после того, как *это*стряслось, его дочери пришлось туго. Из школы она приходила вся в слезах или на грани слез. Пропал аппетит, стала бледной. Халлек решил с ума не сходить и шума не затевать. Поговорил с классной руководительницей, с завучем и любимой преподавательницей Линды по физкультуре и урокам парадных маршей для девочек мисс Ниринг. В итоге удостоверялся (ах, какое славное юридическое словечко!) в том, что дочку дразнили. Подшучивания и подкалывания были грубыми и не смешными, как и водится у девчонок ее возраста, к тому же весьма плоскими, учитывая обстоятельства: ну чего иного можно ожидать, если шутки про мертвого ребенка были верхом остроумия?

Он предложил Линде прогуляться с ним пешком по улице. Улица Лантерн-драйв застроена по обеим сторонам безвкусными домами с палисадниками. Стоимость этих жилищ составляла примерно 75 тысяч долларов. Цена возростала по мере приближения к местному клубу и достигала 200 тысяч, но это уже с плавательными бассейнами и саунами внутри каждой виллы.

Линда была в шортах, одна штанина поползла по шву... и Халлек заметил, что ноги так вытянулись, что из-под шорт виднелись нижние желтые трусики. Сердце кольнуло жалость и страх. Девочка росла и, видимо, сама понимала, что шорты ей уже малы и слишком изношены. Подумал: бедная девочка надевала их, потому что чувствовала подсознательно — они служили ей мостиком в безопасное

детство, в то самое детство, где папочки не предстают перед судом (не важно, сколь краток процесс перед лицом твоего старого партнера по гольфу и пьяного нахала, лапающего груди твоей жены, — Кэри Россингтона, который отобьет молотком приговор).

Ты понимаешь, Линди, что это был несчастный случай? Она кивает, не глядя на него.

Да, папа.

Она появилась между двумя автомобилями и не глядела по сторонам. Я просто не имел возможности остановиться. Абсолютно не было времени.

Пап, я не хочу больше слушать про это.

Я знаю. И сам не хочу об этом говорить. Но ты же слышишь обо всем... в школе.

Она со страхом смотрит на него.

Пап! А ты что, в школу?..

Ходил? Да, ходил. Но в половине четвертого, вчера, не раньше. Там никаких детей уже не было. Я никого не видел, никто не узнает.

Она испытывает облегчение.

Я слышал, что другие дети тебе житья не дают. Мне очень жаль.

Да нет, не так уж страшно, говорит она, взяв его за руку. А ее лицо со свежей россыпью агрессивно-красочных угрей на лбу говорит совсем иное. Эти угри словно кричат ему, что мир с ней жесток. Вот какова расплата за то, что отец был арестован.

Я слышал также, что ты держишься молодцом. И не делаешь из этого большой проблемы. Потому что, если чужие заметят слабинку, они тебя достанут.

Да, я знаю, мрачно отвечает она.

Мисс Ниринг сказала, что прямо гордится тобой, говорит он. Немножко привирает. Мисс Ниринг такого не говорила, но, во всяком случае, хорошо отзывалась о Линде, а это для Халлека значит многое, не меньше, чем для его дочери. И цель достигнута. Впервые ее глаза оживают, когда она смотрит на Халлека.

Что, она прямо так и сказала?

Так и сказала, подтверждает Халлек. Ложь дается легко и звучит убедительно. Почему бы и нет? Последнее время он и так много врал.

Она стискивает его ладонь и благодарно улыбается.

Им очень скоро все это надоест, Линди. Найдут другую кость, чтобы грызть. Какая-нибудь девочка нечаянно забеременеет, с какой-нибудь учительницей случится истерика или какой-нибудь пацан попадет на торговле гашишем. Тут тебя, как говорится, и снимут с крючка. Поняла?

Внезапно она раскидывает обе руки и крепко обнимает его. Он решает, что она, в сущности, не так уж быстро растет и что не всякая ложь есть зло.

Папочка мой любимый, говорит она.

И ты моя любимая девочка, Линди.

Он тоже обнимает ее, и в этот момент кто-то на всю катушку в его мозгах врезает стереоусилитель, и он слышит снова двойной стук: первый — когда передний бампер его «девяносто восьмого» бьет по старой цыганке с ярким алым платком на голове, второй — когда передние колеса подпрыгивают на ее теле.

Вопли Хейди.

Халлек еще крепче обнимает свою дочь, ощущая на коже мурашки.

— Сделать еще яичницу? — спросила Хейди, нарушив его раздумья.

— Нет. Нет, спасибо. — Он виновато посмотрел на пустые тарелки: как бы ни шли дела, хоть из рук вон плохо, они никогда не лишали его ни сна, ни аппетита.

— Ты уверен, что?..

— О'кей! — Он улыбнулся. — Ты — о'кей, я — о'кей, Линда — о'кей. Как говорят в «мыльных операх», кошмар позади, нельзя ли нам вернуться к нашей жизни?

— Прекрасная идея. — И на сей раз она смогла ответить ему вполне искренней улыбкой.

Внезапно ей стало снова меньше тридцати.

— Дожарить тебе бекон? Там еще два кусочка осталось.

— Нет, — сказал он, вспомнив, как врезались трусы на талии (талия называется! Ха-ха! Последний раз у тебя была талия где-то в 1978 году — шайба ты хоккейная!), то и дело приходится живот поджимать. Вспомнил про весы и сказал: — А знаешь, давай-ка еще один кусочек. Три фунта сбросил как-никак.

Жена уже возилась у плиты. Несмотря на его первоначальное «нет». *Иногда она видит меня насквозь до такой степени, что это даже угнетает*, — подумал он. Хейди обернулась.

— А ты все думаешь об этом?

— Да нет же! — отрезал он. — Ну может, в конце концов, человек тихо-мирно сбросить три фунта веса? Ты же сама говоришь, что хотела бы видеть меня немножко...

худеющим

...не таким толстым. — Ну вот, опять Хейди навела его на мысли о цыгане. *Будь он неладен!* Изъеденный нос цыгана, его чешуйчатый скрюченный палец, коснувшийся щеки прежде, чем он успел отшатнуться. Так отшатываются от прикосновения паука или от шевелящегося меса жуков и червей под трухлявым бревном.

Хейди поставила перед ним бекон и поцеловала в висок.

— Извини. Ешь и теряй вес. Но помни, что там Билли Джоэл говорит на этот счет...

I like you just the way you are...

«Люблю тебя такой, как есть...» — пропели они в унисон.

Он схватил было «Джорнэл», но показалось слишком тоскливо. Поднялся из-за стола, вышел из дома, подобрал на цветочной клумбе нью-йоркскую «Таймс». Этот мальчишка-почтальон непременно швырнет газету на цветы. К тому же он так и не удосужился запомнить фамилию Билли. Что взять с двенадцатилетнего подростка?

Вернувшись с газетой, Халлек раскрыл ее на спортивных новостях и принялся за бекон. Когда Хейди постави-

ла перед ним еще одну сдобу, облитую тающим сливочным маслом, он уже основательно углубился в таблицу результатов игр. Халлек машинально съел и сдобу, не обратив на это обстоятельство никакого внимания.

Глава вторая: 245

В городе судебный процесс по поводу строительных недоделок длился уже более трех лет, и можно было ожидать, что он протянется еще столько же, если не больше. И вдруг все неожиданно закончилось наилучшим образом. Истец во время перерыва в судебных заседаниях согласился на смехотворно низкую неустойку. Халлек не растерялся и подsunул своему клиенту на подпись бумагу о добрых намерениях. Клиент, хозяин фабрики красителей из Скенектади, в присутствии своего потрясенного адвоката взял и подписал все шесть копий письма, а судебный нотариус немедленно заверил подлинность подписей. Билли сидел во время всей процедуры неподвижно, скрестив пальцы на коленях, чувствуя себя так, словно выиграл в нью-йоркскую лотерею. Еще до обеденного перерыва дело было улажено и закрыто.

Билли потащил своего клиента к О'Ланни, заказал «Чивас» с водой для клиента и мартини — для себя. Потом позвонил домой Хейди.

— Мохонк, — коротко сообщил он ей, когда та подняла трубку. Так назывался курорт неподалеку от Нью-Йорка, где они давным-давно провели свой медовый месяц (подарок от родителей Хейди) и влюбились в это место и с тех пор нередко проводили там отпуск.

— Что?

— Мохонк, — повторил он. — Если не хочешь, попросу Джулиан из конторы.

— Ну уж фигушки! Билли, а в чем дело?

— Ты хочешь поехать или нет?